

Л. Е. Морозова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Русского государства одним из наиболее сложных и трудных для изучения и понимания периодов является тридцатилетие с конца XVI века по 20-е годы XVII века. С легкой руки подьячего XVII века Григория Катошихина оно получило название Смута или Смутное время.

По единодушному мнению как современников, так и историков толчком для Смуты стал династический кризис, разразившийся после смерти последнего представителя династии московских князей — царя Федора Ивановича. В ходе него «примеривать шапку Мономаха» стали многочисленные претенденты на верховную власть. Среди них были и боярин Борис Федорович Годунов, объявивший себя продолжателем славных дел скончавшегося монарха; и его высокообразованный сын Федор; и самозванец Гришка Отрепьев, назвавшийся именем давно умершего царевича Дмитрия Ивановича; и боярский ставленник князь Василий Иванович Шуйский; и «царевич Петруша», якобы сын царя Федора Ивановича; и второй самозванный царевич Дмитрий Иванович, прозванный Тушинским вором; и польский королевич Владислав; и шведский принц Карл Филипп; и множество других «царевичей», выдвинутых казаками.

У каждого претендента на власть были свои сторонники и противники, которые вели друг с другом ожесточенные сражения. Борьба за московский престол превратилась в вооруженное противостояние всех слоев русского общества, раздирая страну на несколько частей. В нее вскоре вмешались соседние государства, Речь Посполитая и Швеция. В итоге для ослабленной внутренними противоречиями России возникла угроза потери национальной независимости.

Только когда многие русские люди осознали, какая опасность грозит им самим и России, в стране начался мощный патриотический подъем. Он выразился в формировании в городах народных ополчений, которые объединились и начали борьбу со всеми внешними и внутренними врагами. Изгнав польско-литовских интервентов из Москвы, руководители ополчений князь Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский с земским старостой К. Мининым созвали представительный Земский собор. На нем в феврале 1613 года был избран но-

вый царь — Михаил Федорович Романов. После этого Смутные времена стали уходить в прошлое, и Русское государство медленно, но верно начало возрождаться в прежнем величии.

В ходе политических, социальных, междоусобных и национально-освободительных битв и сражений значительно возросла гражданская активность всех слоев русского общества. Повысилось и общественное самосознание русских людей, которые окончательно поняли, что ответственны за судьбу своей страны, своего Отечества. С оружием в руках, по велению сердца и души они отстаивали его независимость.

Если до Смуты Русское государство строилось «сверху» усилиями московских князей, передававших власть от отца к сыну по наследству, то после Смуты его пришлось восстанавливать «снизу», самим подданным. После краткого правления множества законных (избранных) и самозванных государей их политическое чутье настолько возросло, что они смогли избрать на трон наиболее подходящего по всем статьям кандидата — юного М.Ф.Романова, самого близкого родственника царя Федора Ивановича, обладавшего к тому же высокими моральными и душевными качествами.

В лице нового государя, формально, прежняя династия продолжилась, и это придало власти Михаила Романова легитимный характер не только внутри страны, но и на международной арене.

Рост политического самосознания у наиболее образованных представителей русского общества выразился в создании большого числа публицистических сочинений о Смутном времени. На их страницах современники описывали происходившие события, давали им свою оценку, пытались повлиять на умы сограждан, размышляли о причинах бедствий и несчастий и искали выход из критической ситуации.

Жанры произведений о Смуте очень разнообразны. Это летописцы и хронографы, сказания и повести, истории и жития, плачи и видения. Всех их отличает яркость и образность повествования, четко выраженное авторское отношение к описываемым событиям.

На первый взгляд, такой большой комплекс самых разнообразных сочинений, написанных современниками о Смутном времени конца XVI — начала XVII века, дает возможность историкам получить наиболее полное представление о данном периоде. Но в ходе исследований еще в XIX веке выяснилось, что публицистические сочинения очень отличаются друг от друга по содержанию. В них не только по-разному описывались одни и те же события, но и очень часто им давались противоположные оценки. Существенно различались и характеристики правителей, полководцев и политических деятелей, которые давали им авторы.

В 1842 году на страницах журнала «Москвитянин» возникла дискуссия между историками Д. П. Голохвастовым и А. В. Горским по поводу достовер-

ности сведений «Сказания о Троицкой осаде» Авраамия Палицына. В 70-е годы этого же века развернулся научный спор между И. Е. Забелиным, Н. И. Костомаровым и С. Кедровым о личностях публицистов Смутного времени: «прямых» и «кривых».

В итоге некоторые исследователи даже поставили под сомнение достоверность сообщенных в публицистических сочинениях сведений о Смуте. Чтобы дать однозначный ответ на этот вопрос, требовался тщательный историко-ведческий анализ всех текстов. Но он был затруднен большими объемами исследуемого материала.

Важной вехой в изучении памятников Смутного времени явилась работа С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник». Исследователь рассмотрел все основные сочинения о Смуте и пришел к такому выводу: «Публицистика Смутного времени представляет собой единый комплекс источников, которые следует изучать путем сравнительного анализа, а не как отдельные произведения».

С. Ф. Платонов предпринял попытку в своем труде реализовать это важное методологическое положение и впервые провел первичную систематизацию всех сочинений, разбив их на несколько групп по степени важности. Правда, четких критериев для этого он не выработал, поэтому через некоторое время его систематизация была пересмотрена.

Несомненным вкладом Платонова в изучение публицистики Смутного времени было то, что для каждого памятника он провел археографическое исследование: описал известные рукописи, выделил редакции, попытался определить имя автора, время и обстоятельства создания.

По широте охвата материала и масштабам исследования монография С. Ф. Платонова до сих пор остается непревзойденной, хотя некоторые его выводы, касающиеся истории появления отдельных публицистических произведений, уже пересмотрены.

Особый интерес к памятникам Смутного времени возник в связи с юбилейной датой — 300-летием Дома Романовых. В это время выходит ряд статей, касающихся истории появления двух редакций «Повести» Катыева-Ростовского, «Временника» Ивана Тимофеева и др. В работе А. И. Яковлева впервые предпринимается попытка комплексного анализа содержания произведений на предмет выявления процесса складывания в них концепции Смуты. Ученый обнаружил, что в Смутное время в сознании русских людей произошел сложный психологический перелом. От традиционной формулы «божьего наказания за грехи» они пришли к пониманию своей ответственности за то, что происходило в стране; от стремления к личной выгоде в период ослабления верховной власти — к осознанию важности всеобщего блага и сохранения Веры и Отечества.

В целом дореволюционные исследователи внесли большой вклад в изучение публицистики Смутного времени: выявили и опубликовали большую часть произведений по нескольким спискам, провели первичную систематизацию, наметили пути их дальнейшего исследования.

В советское время изучение памятников Смутного времени продолжилось. Важный вклад внесла статья Е. И. Кушевой «Из истории публицистики Смутного времени», в которой она убедительно доказала, что «Повесть како восхити» не являлась составной частью «Иного сказания» (именно его С. Ф. Платонов считал центральным публицистическим произведением), а была ранним памятником, созданным в период прихода к власти царя В. И. Шуйского. Таким же ранним сочинением она считала и «Сказание о Гришке Отрепьеве». В итоге выводы Кушевой существенно нарушили систематизацию, предложенную С. Ф. Платоновым.

Новым этапом в изучении публицистики стала фундаментальная статья Л. В. Черепнина «Смута и историография XVII века». В ней прослежен процесс складывания официальной концепции Смуты в царствование Михаила Федоровича. Первым этапом, по мнению исследователя, было создание «Сказания» Авраамия Палицына. Последним — написание «Нового летописца», дошедшего до нас в нескольких редакциях.

Л. В. Черепнин полагал, самой ранней летописью была Никоновская редакция, возникшая в 30-е годы как плод усилий посольских дьяков и патриарших книжников, затем — редакция Степенной книги середины XVII века. Поздними переделками, по его мнению, являлись «Летопись о многих мятежах» и список Оболенского.

Начиная с 50-х годов XX века исследователи обнаружили и опубликовали сразу несколько публицистических сочинений: Пискаревский летописец, «Повесть како отмсти», Московский и Бельский летописцы, а также были переизданы «Временник» И. Тимофеева и «Сказание» Авраамия Палицына.

Выявив сходство между несколькими летописными текстами, В. И. Корецкий выдвинул версию о том, что в основе них лежала некая не дошедшая до нас «История Иосифа», написанная келейником патриарха Иова.

Я. Г. Солодкин попытался доказать, что первая редакция начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына не была отдельным самостоятельным произведением, а являлась поздней переделкой этого произведения.

В. Г. Вовина высказала мнение, что ранней редакцией «Нового летописца» была не Никоновская, а Степенная.

М. В. Кукушкина попыталась пересмотреть вопрос о принадлежности «Повести» князю Катыреву-Ростовскому и назвала ее автором князя С. Шаховского.

Автор настоящего издания, исследовав все памятники с помощью математических методов, пришла к выводу, что большинство из них тесно взаи-

мосвязаны между собой. Авторы поздних сочинений, как правило, использовали тексты ранних, но при этом по-своему трактовали одни и те же события. Их интерпретация была напрямую связана с сиюминутной политической обстановкой в стране.

Новые разработки вызвали дискуссию в исследовательской литературе, которая говорит о том, что интерес к памятникам публицистики Смутного времени не ослабевает, а только возрастает. Для историков они ценны тем, что являются «живыми отголосками» прошлого, памятниками, в которых не только описаны самые различные события Смуты, но и отражены впечатления современников о пережитых трагедиях и бедствиях. В этих текстах можно обнаружить свидетельства активной политической борьбы за власть различных претендентов, запечатлены оценки деятельности многих исторических деятелей и зафиксировано мнение современников о причинах обрушившихся на Русское государство бедствий.

Особенности публицистических сочинений позволяют оценить их как один из главных источников о Смутном времени в целом.

Настоящее издание включает в себя публикацию более 20 произведений о Смуте. Все они расположены в хронологической последовательности, при этом автор публикации предлагает новую датировку многих из них. Такая систематизация дает возможность более верно оценить содержание каждого текста и проследить, как более ранние произведения использовались в более поздних, и как в каждом из них в зависимости от политической конъюнктуры менялась трактовка одних и тех же событий.

Первым сочинением является «Повесть о честном житии царя Федора Ивановича», написанная патриархом Иовом вскоре после безвременной кончины царя, случившейся 6 января 1598 года. Об избрании на престол 21 февраля этого же года Бориса Годунова в ней нет ни слова. Значит, «Повесть» была написана в период между 6 января и 21 февраля 1598 года. Имя ее автора, патриарха Иова, указано в заглавии.

Длительное время «Повесть» не привлекала внимание исследователей. Считалось, что она не оказала никакого влияния на основные публицистические сочинения о Смуте, поскольку в ней содержалась излишне хвалебная характеристика Бориса Годунова, который потом был раскритикован всеми современниками.

Однако более детальное сравнение хронологической схемы «Повести» и использованных в ней литературных приемов с другими произведениями заставляет пересмотреть устоявшееся мнение.

Во-первых, данное сочинение начинается с описания прихода к власти Федора Ивановича в 1584 году, как и большинство публицистических сочинений о Смуте. Во-вторых, в ней рассмотрены далеко не все события правления царя, а только те, в которых принимал участие Борис Годунов

(борьба с восставшими казанцами, учреждение патриаршества, поход на Ругодив, оборона Москвы от Казы-Гирея). Поэтому в «Повести» прославлен не только сам царь, но и его шурин, ближний боярин Б.Ф.Годунов. Такой же прием встречается и в других произведениях.

По сути написанная по поводу кончины Федора Ивановича «Повесть» отнюдь не являлась его хвалебным некрологом, а обосновывала права на престол Б.Ф.Годунова. Именно он, по утверждению Иова, был самым подходящим кандидатом на престол: «зело преизрядной мудростию украшен и саном паче всех, и благим разумом превосходя». Благодаря его помощи недейтельному и излишне богомольному царю Федору, «благочестивая царская держава в мире и тишине велелепней цветуще».

Можно предположить, что данное произведение по указанию патриарха зачитывалось в храмах и оказывало большое влияние на умы тех, кому предстояло в феврале избрать нового государя.

Получается, что «Повесть» стала первым предвыборным сочинением, призванным агитировать за первого выборного царя Б.Ф.Годунова. Фактически она стала родоначальником нового жанра агитационно-массовых сочинений, развившегося в период Смуты.

Объектом подражания публицистов явились следующие литературные приемы «Повести»: формально посвящать сочинение одному известному лицу, а на самом деле прославлять другого; через положительные дела одного всеми почитаемого лица создавать хвалебный облик другого, менее популярного; постоянно множить число заслуг восхваляемого лица, чтобы читатель сам сделал нужный для автора вывод.

Не только литературные приемы «Повести» стали использоваться в других сочинениях о Смуте, но и ее хронологическая схема. При этом события, связанные с положительной деятельностью Б.Годунова, заменялись на те, что его порочили.

Более того, многие писатели восприняли созданный Иовом образ царя Федора за истину (излишне богомольный, малоинициативный, во всем полагающийся на своих сопративителей) и в своих сочинениях его повторяли.

Первыми памятниками, созданными под влиянием «Повести о честном житии», стали несколько произведений, появившихся в период прихода к власти князя В.И.Шуйского: «Сказание о Гришке Отрепьеве» (краткая редакция), «Повесть како отмсти», «Повесть како восхити», «Житие царевича Дмитрия» в нескольких редакциях, «Сказание о самозванце» и др.

Их цель была аналогична той, что ставил патриарх Иов, только она касалась другого кандидата на престол — В.И.Шуйского. Но, если ситуация во время прихода к власти Б.Годунова была довольно простой (царь Федор умер, и других претендентов на власть не было), то Шуйскому было сложнее. Не все русские люди поверили в гибель Лжедмитрия, не все считали обоснованным его

свержение и убийство, поскольку видели в нем истинного царского сына, не все считали права бывшего суздальского князя на престол бесспорными и т. д.

В итоге царю Василию многократно приходилось доказывать законность своего воцарения и разоблачать самозванство «царя Дмитрия Ивановича». Все это нашло отражение в созданных при нем публицистических произведениях.

«Сказание о Гришке Отрепьеве», очевидно, было написано вскоре после свержения и убийства Лжедмитрия 17 мая 1606 года, но до венчания Шуйского на царство 1 июня этого же года. В нем претендент на трон еще не назван царем.

Автором этого яркого публицистического произведения, вероятнее всего, был ясельничий М.И.Татищев, часто занимавшийся всевозможными дипломатическими делами. Он входил в окружение князя В.И.Шуйского, вместе с ним организовал заговор против самозванца. Поэтому не было ничего удивительного в том, что именно ему будущий царь поручил написать сочинение, обосновывающее и законность свержения Лжедмитрия, и его собственные права на престол. На авторство Татищева указывает ряд фактов, главным из которых является частое упоминание его имени в тексте «Сказания» с неизменно положительной характеристикой.

В «Сказании о Гришке» Василий Шуйский представлен гонимым страдальцем от происков властолюбца Годунова, и злобного еретика Гришки Отрепьева. Но, будучи «славным и премудрым воеводой» и «любимцем воинства», он стал и божьим избранныком, которому открылась истина о самозванстве и еретичестве Лжедмитрия. Во главе православного воинства Василий Иванович победил злобного еретика, который собирался искоренить православную веру и заменить ее католичеством.

По мнению автора «Сказания», «богоизбранность» В.И.Шуйского и его победа над еретиком-самозванцем являлись достаточным основанием для его восшествия на царский престол.

В «Повести како отмсти» представлено дальнейшее развитие событий 1606 года после воцарения В.И.Шуйского. Уже летом в Москве появились сведения о том, что Лжедмитрий не был убит, а бежал в Речь Посполитую и поселился в Самборе у тещи. Там он начал собирать новое войско для борьбы с узурпатором Шуйским.

В этой ситуации царю Василию потребовалось новое сочинение, разоблачающее самозванца и прославляющее его самого. Поэтому он поручил троицкому книгохранителю Стахию написать «Повесть как отмсти». В этом произведении была полностью изменена версия Иова о мудром правителе Б.Годунове при царе Федоре. За царя якобы правили бояре попечительского совета, назначенного еще Иваном Грозным. В нем главную роль играл родственник царя Василия боярин князь И.П.Шуйский.

Эта версия позднее была подхвачена в проромановских произведениях. В них также утверждалось, что за Федора Ивановича правил попечительский совет, главой которого якобы был дед царя Михаила Федоровича — Никита Романович.

Характерно, что в «Повести» версия о преступлениях Б.Ф.Годунова была развита буквально до абсурда. Борис, по утверждению автора, убил не только царевича Дмитрия, но и царя Федора, названного в этом произведении «святым великомучеником». Престол царевича якобы получил путем подкупов и угроз, то есть совершенно незаконно. Осознав свои грехи, в конце жизни он отравился, совершив еще один большой грех.

В целом, в «Повести» число аргументов, обосновывающих права В.И.Шуйского на престол, существенно больше, чем в «Сказании о Гришке»: и близость к престолу его родственников, и невинные страдания от Годунова и Лжедмитрия, и царское происхождение — от Александра Невского.

Однако «Повесть како отмсти» дошла до нас в небольшом числе списков, свидетельствующих о том, что данное произведение не было распространено. Его содержание уже осенью 1606 года устарело, поскольку в нем появление Лжедмитрия объяснялось наказанием Б.Ф.Годунову за все грехи. В октябре к Москве двигалось войско якобы спасшегося Лжедмитрия уже для борьбы с Василием Шуйским. Получалось, что и новый царь был грешником.

Под влиянием новых событий «Повесть како отмсти» была переделана в «Повесть како восхити». В нем главный акцент был сделан на разоблачение самозванства Лжедмитрия и доказательство того, что настоящий царевич был убит по приказу Б.Ф.Годунова и стал новым святым мучеником.

О короткой жизни последнего царского сына было написано Житие, которое дошло до нас в нескольких редакциях и множестве списков. Это произведение, по замыслу создателей, должно было воздействовать на умы простых людей, склонных сочувствовать страдальцам, мученикам и убиенным.

Прославляя невинно убиенного царевича Дмитрия, царь Василий, фактически, использовал приемы самозванца, который в «прелестных грамотах» представлял себя гонимым страдальцем от Годунова и этим вызвал сочувствие у многих русских людей.

Следует отметить, что В.И.Шуйский знал истину о смерти царевича Дмитрия, поскольку возглавлял Угличскую следственную комиссию в мае 1591 года. Следователи выяснили, что царевич закололся сам во время приступа эпилепсии. Но версия о самоубийстве Дмитрия не могла устроить царя Василия, поскольку не позволяла объявить царевича святым, выставить его мощи в Архангельском соборе, организовать массовые исцеления от них и таким образом разоблачать авантюризм очередного самозванца.

В «Житии царевича Дмитрия» уже нет версии «Сказания о Гришке» о том, что появление самозванца являлось божьим наказанием за грехи Бориса

Годунова. В этом произведении Лжедмитрий назван орудием Божьего мщения всем русским людям за их многочисленные грехи, особенно за молчание по поводу кончины настоящего царского сына.

В середине октября 1606 года, когда Москва была окружена войском И.Болотникова, объявившего себя эмиссаром «царя Дмитрия Ивановича», по указанию царя Василия благовещенский протопоп Терентий написал «Повесть о видении некоему мужу духовну». В ней утверждалось, что болотниковцы были посланы Иисусом Христом для наказания москвичей за многочисленные грехи. В число грешников Терентий включил и патриарха, и царя Василия вместе с простыми горожанами. Спасти от неминуемой гибели, по мнению автора, можно было только путем всеобщего покаяния и массовых молебнов.

По замыслу царя эти акции должны были сплотить москвичей вокруг престола и остановить их от измены и предательства.

Замысел Шуйского оказался удачным. Горожане поддержали Шуйского, а в стане Болотникова произошел разлад. В итоге в начале декабря он был вынужден отойти от столицы.

Позднее, когда борьба царя Василия с многочисленными врагами в июле 1610 года все же закончилась его поражением и свержением с престола, сюжет «о безумном молчании» был развит в «Сказании киих грех», ставшем в новой редакции предисловием для «Сказания» Авраамия Палицына.

Особенностью «Сказания киих ради грех» являлась его острая публицистическая направленность. В нем все представители русского общества обвинялись в обрушившихся на Русское государство бедствиях и несчастиях. Особенно критиковалась неразумная политика прежних монархов: Ивана Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского. Несомненно, данное произведение было написано «по горячим следам событий», когда в стране во второй половине 1610 года началось беззастенчивое.

Анализ содержания «Сказания киих ради грех» показывает, что оно создавалось под влиянием и «Повести о честном житии», и «Сказания о Гришке», и «Повестей како». Но при этом главная его цель состояла не столько в описании всеобщих бедствий, сколько в обличении тех, кто был в них повинен.

Яркими и сочными красками автор нарисовал картину морального и нравственного разложения русского общества перед Смутой: ненасытное сребролюбие, гордость, чванство, доносы, равнодушие к преступлениям властей, отсутствие милости к обездоленным и т. д. Это, по мнению автора, и поставило страну на край пропасти.

Особенностью «Сказания киих ради грех», в сравнение со «Сказанием о Гришке Отрепьеве» и «Повестями како» является и его анти шуйская направленность. В нем подвергнута сомнению даже законность его избрания на престол: «малым неким от царских палат излюблен бысть царем Василий Шуйский. Никто из вельмож его не нарекал, народ его не умолял». В итоге в стране

ПОВЕСТЬ О ЧЕСТНОМ ЖИТИИ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

Одним из наиболее ранних публицистических произведений Смутного времени является «Повесть о честном житии царя Федора Ивановича», написанная патриархом Иовом вскоре после смерти государя 7 января 1598 года.

Это произведение дошло до нас в составе Никоновской летописи вместе с Новым летописцем. Отдельные списки встречаются редко. Поэтому напрашивается предположение, что «Повесть» считалась официальным летописным текстом, повествующим о царствовании Федора Ивановича.

Имя автора, Иова, значится в заглавии. Он являлся первым русским патриархом, получившим престол в 1589 году после учреждения в Москве патриаршества.

Формально «Повесть» являлась некрологом по скончавшемуся царю Федору — последнему из династии московских князей. С его смертью перед русским обществом встала небывалая задача: избрать нового монарха. Это обстоятельство оказало большое влияние на содержание данного произведения. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Начинается «Повесть» с описания воцарения Федора Ивановича. В марте 1584 года, чувствуя приход смерти, его отец, благоверный царь и великий князь Иван Васильевич, передал «превеликий царский скипетр» и «свой великий царский престол» «своему благоверному сыну, благочестивому и христолюбивому царю Федору Ивановичу».

По сведениям «Повести», раннем официальном произведении, Федор Иванович получил престол на законных основаниях, по обычаю, который издавна существовал в великокняжеских и царских семьях. Перед смертью отец передавал свою власть сыну.

В поздних публицистических произведениях появятся иные версии: Иван Грозный был убит, Федор не обладал всей полнотой власти, поскольку за него правил опекунский совет, назначенный отцом,

и т.д. Но вряд ли стоит им доверять, поскольку они были созданы авторами в угоду изменившейся политической ситуации.

Патриарх представил царя Федора идеальным государем: «древним царем благочестивым равнославен, от царския своей юности исполнен сый и духовной мудрости, о всех добродетелех попечение имы, Богу повсегда ум свой вперяше».

Эта характеристика Федора Ивановича была воспринята многими публицистами Смутного времени и повторена в их произведениях. Но соответствовала ли она реальному государю? Попробуем разобраться.

В «Повести», в отличие от большинства публицистических сочинений, достаточно подробно описаны и славные дела царя Федора: усмирил взбунтовавшихся казанцев, учредил патриаршество, лично возглавил поход на Нарву и вернул утраченные Иваном Грозным города: Ям, Корелу, Ивангород, Копорье. Царь сам организовал оборону Москвы от хана Казы-Гирея и с успехом отогнал полчища крымцев. К правлению царя Иов отнес и присоединение Сибири, хотя это произошло в царствование Ивана Грозного.

Все эти успехи Федора Ивановича свидетельствовали, что он был активным правителем и хорошим полководцем. Такой вывод могли сделать читатели «Повести».

Прославляя царя Федора, Иов одновременно показывал, что главным помощником его являлся конюший боярин Борис Федорович Годунов. Патриарх неоднократно подчеркивал, что только при совместном правлении царя и боярина «благочестивая царская держава в мире и тишине велелепней цветуще».

По утверждению Иова, Борис Годунов занимался усмирением казанцев, каменным строительством по всей стране, успешно сражался под Нарвой, защищал Москву от Казы-Гирея.

На самом деле заслуги Б.Ф.Годунова были менее внушительными. Казанцев он не усмирял, поскольку это было поручено совсем другим воеводам. Во время похода на Нарву исполнял обязанности воеводы Дворового полка, охранявшего царя. Во время обороны Москвы Борис являлся лишь вторым воеводой Большого полка, первым главнокомандующим был князь Ф.И.Мстиславский.

Заканчивается «Повесть» описанием смерти Федора Ивановича. Причиной ее, по сведениям Иова, была какая-то тяжелая и непродолжительная болезнь. Позднее появилась версия о том, что царь Федор был отравлен Б.Ф.Годуновым. Но вряд ли она соответствовала действительности, поскольку возникла через много лет после кончины Федора Ивановича, «Повесть» же была написана «по горячим следам событий» их очевидцем.

Хотя Иов и прославлял Б.Ф.Годунова, как соправителя Федора Ивановича, он не утверждал, что тот получил от умирающего государя верховную власть. Патриарх написал, что царь Федор отдал свой скипетр супруге — царице Ирине Федоровне Годуновой. В этом факте не было ничего удивительного, поскольку у бездетных супругов других законных претендентов не существовало.

Факт перехода трона к царице Ирине подтверждают документальные источники: грамоты, подписанные ее именем, указы, изданные от ее имени, и т.д. Но, как известно, Ирина не стала править и вскоре постриглась в монахини. Вопрос о новом государе, по ее приказу, должен был решить избирательный Земский собор.

«Повесть» Иова, судя по всему, и была написана для того, чтобы склонить избирателей к кандидатуре Бориса Годунова. Ее, очевидно, зачитывали в храмах перед собравшимися на службу верующими. После созыва собора в феврале 1598 года Иов его возглавил, и 17 февраля было официально объявлено имя нового государя — Борис Федорович Годунов.

Решение собора свидетельствует о том, что агитация Иова оказалась действенной. Избиратели согласились с мнением патриарха и поддержали предложенную им кандидатуру царя.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Повесть о честном житии царя Федора Ивановича» стала первым публицистическим произведением, относящимся к Смутному времени. Цель ее состояла в том, чтобы через прославление скончавшегося царя Федора Ивановича доказать: только Б.Ф.Годунов может стать его достойным преемником, поскольку он уже давно был его помощником и формальным соправителем.

Написанное «по горячим следам событий», это произведение, несомненно, содержало достоверные сведения и о смерти Ивана Грозного, и о переходе власти к Федору Ивановичу, и об его правлении, и о кончине, и завещании.

Это произведение оказало большое влияние на многие другие сочинения о Смуте. Из него были заимствованы литературные приемы, хронологическая схема, идеальная характеристика царя Федора, и др.

ПОВЕСТЬ О ЧЕСТНОМ ЖИТИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА

Текст публикуется по изданию ПСРЛ. Т. 14. М. 1965. С. 1–22.

Повесть^I о честном житии благоверного и благородного и хри-
столюбивого государя царя и великого князя Федора^{II} Ивановича^I всея
Руси, о^{III} его царском благочестии и добродетельном^{IV} исправлении, о свя-
тем его преставлении. Писано смиренным Иевом² Патриархом Москов-
ским и всея Руси.

Небеси^V убо величества и высота недостижна и неописуема, зем-
ли же широта и долгота неосязима и неизследима, морю же глубина не-
измерима^{VI} и неиспытуема, святых же и крестоносных преславнейших
Российских царей и великих князей многая добродетелем^{VII} исправле-
ния неизчетна^{VIII} и недоумеваема: аще убо кто будет и от сильных в рас-
сужении и^{IX} глубокоразумного Российского языка аще и грамотичными
художества и риторскою силою преукрашени будут доволне, но бла-
гочестивых сих самодержавнейших царей добродетелем величества
по достоинству исповедати не могут. Мы же убозии и груби разумом,
аще и недовольнии о сем помyslити, но благодать человекалюбивого
Бога в помощь призвавше^X и Святого Духа наставника имуще, мала не-
кая приемше добродетельных^{XI} благодеений, в почесть всем предлагаем,
да разумно будет всем слышащим нами днесь глаголемая ясно. Прииде-

^I овесть Б.
^{II} феодора БТ.
^{III} и о Б.
^{IV} добродительном БТ.
^V бси Б; нбнси Т.
^{VI} незмерима Т.
^{VII} доброделем Н; добродителем Б.
^{VIII} нестьчетна Б.
^{IX} и нет в Б.
^X прозаваше Н.
^{XI} добродительных БТ.

те, услышите, и повем вам, вси боящеися^I Бога, елика сотвори Господь
в последнем нашем роде в земли благочестивыя Руския державы; хошет
бо ныне слово составить повесть, якоже некую сладостнейшую и чест-
ную предложити яд, да не многими леты великое Божие человеколюбие,
еже на нас сотворшееся, забвения глубина покрывает, но вмале, писанию
предавше, да известно будет всем и в вечные роды, о нем же ныне разум
писания изъясляет.

Бысть убо, глаголю, во время, како убо бысть и в которое вре-
мя, егда убо благочестивая и православная христианская вера в Велицей
России паче солнца сияющи^{II} и своя светозарная луча во всю вселенную
испускающе, якоже глаголет Пророк, от моря и до моря и от рек до ко-
нец вселенные слава ее простирашеса, и благочестивых и крестоносных
христианских царей Руския державы скипетродержавство велелепе-
не цветуще, и благородный царский корень многими леты непременно
влечашеса от великого Августа кесаря Римского³, обладающего всею
вселенною, якоже история поведает, и до самого святого сего царствия
богохранимые державы великого Российского государства благоверного
и христолюбивого царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси.
Той же убо благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всея
Руси сын бе преименитого государя и храброго царя и великого князя
Ивана Васильевича всея Руси, царствовавшего в Велицей России 49 лет
и месяц 9 на престоле приснопамятного отца своего великого князя Ва-
силия Ивановича⁴ всея Руси и деда своего великого князя Ивана Василь-
евича всея Руси.⁵ Той же убо благочестивый царь и великий князь Иван
Васильевич всея Руси бе разумом и мудростью украшен и в храборских
победах изряден и к бранному ополчению зело искусен и во всех цар-
ских исправлениях достохвален явися, великие изрядные^{III} победы по-
каза и многие подвиги по благочестии совершив, царским своим бод-
роопасным правлением и мною премудростию не токмо всех сущих
богохранимыя державы своя в страх и в трепет вложи, но^{IV} вся окрест-
ные страны неверных язык, слышаще царское имя его, с великою бояз-
нию трепетаху; прочая же его царского исправления добродетели слово
инде изъяснит. Тогда^V же убо благоверный царь и великий князь Иван
Василиевич⁶ всея Руси преиде в пятьдесят третье лето возраста своего,
случися ему велия болезнь, в ней же проувидев свое к Богу отшествие,
восприял великий ангельский образ и наречен бысть во иноцех Иона,

^I боящися Б.
^{II} сияюща Б.
^{III} изрядныя НТ.
^{IV} но и Б.
^V гда Б.

и посем вскоре^I остави земное царство, ко Господу отъиде лета 7092-го, марта в 19 день⁷; и по преставлении своем вручив превеликий скифетр Российского самодержавного царствия и свой великий царский престол предаст благородному сыну своему благочестивому и христоролюбивому царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси. Царь же и великий князь Федор Иванович всея Руси по преставлении приснопамятного отца своего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Божьим изволением и отеческим благословением приемник бывает^{II} царского престола всея великия России; возведен же бысть и венчан царским венцем преосвященным митрополитом всея Руси кир-Дионисием⁸, иже в та лета содержаша кормило великие и кафолические церкви пречистые Богородицы чесного и славного Ее Успения и содержаше престол великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы⁹ внутрь царствующего града Москвы; бе же тогда благочестивый^{III} царь и великий князь Федор Иванович всея Руси яко летом...^{IV} Сей^V убо благочестивый самодержец праведный и досточудный и крестоносный царь и великий князь Федор Иванович всея Руси древним бо^{VI} царем благочестивым равнославлен, нынешним же красота и светлость, будущим же сладчайшая повесть и слуха благое наслаждения, не токмо единые Российские богохранимые державы, но^{VII} всея подсолнечные пречестнейши быти явися, аще бо от царския своя юности исполнен сый и духовныя мудрости. Еще бо от царския своя юности исполнен сый духовныя мудрости^{VIII}, аще бо и бесчисленными изрядными и многоценными красными века сего обимаем бе, ни о едином же их прилежне внимая, ниже о сих когда веселя, точию о памяти Божией^{IX} и о^X всех добродетелех^{XI} попечение имы, и не еже бо памятовати^{XII}, ему житейских сих многоценных и красных и к сим вседушно пригвоздится, но жалая ото всех Содетеля и Промысленника вечных благих насладитися и небесного царствия сподобитися. Кто убо доволен по достоянию явится сказати яже благочестивого сего

^I окоре Н.

^{II} в Н было написано бывает бысть, но бысть зачеркнуто; в Б из бывает поправлено бысть; в Т из бысть поправлено бывает.

^{III} благочествы Н.

^{IV} здесь в БТ небольшой пробел для цифры.

^V ей Б.

^{VI} убо Б.

^{VII} но и Б.

^{VIII} слова еще бо от царские... мудрости в Н находятся в тексте, а в БТ приписаны на полях.

^{IX} бжие Н.

^X божией но Т.

^{XI} добродителех БТ.

^{XII} памявати Н.

царя достохвальное добродетелем исправление? или кто дерзнет коснуться повесть составить о святем его житии? аще бы и превысочайшего Российского царствия честный скифетр содержаше, но Богу повсегда ум свой вперяше и душевное око бодренно и неусыпно храняше и сердечную веру выну благими делы исполняше; тело же убо свое повсегда удручаше церковными пении и дневными правилами и всенощными бдени и воздержанием и постом, душу^I же свою царскую умащая поучением божественных глагол и вниманием^{II}, и благих нрав удобрение украшая прилежно.

Ныне же паки слово помянути хошет и другая его царская достохвальная исправления, да^{III} не предана будет забытию словеси^{IV}, иже памяти достойна. Еже быша в лета приснопамятного отца его благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси нечестивы Болгари¹⁰, иже близ Руси^V пребывающе, живуще по реце глаголемей Волзе, во мнозех летех приходяще на пределы Русийскаго его государства и многие пакости деюще православным христианам, брани составляюще и пленующе непрестанно: по вся лета воеваху^{VI} и православного христианства кровь, яко речные^{VII} быстрины, изливашеся, мнози же православние христиане от нечестивых побиени быша, ови^{VIII} же в плен отведени и многие и различные муки претерпеша. Царь же и великий князь Иван Васильевич всея Руси в лето 7061-го¹¹, виде нечестивых богомерское озлобление, подвижесе на нечестивые, поиде во мнозе силе и град их великий Казань взятъ, пределы их Казанские вся поплени и многое множество нечестивых Болгар^{IX} погуби, оставших же от плена всех под свою под царскую десницу покори. Не по мнозех летех по сем бранном ополчении Божиими судьбами^X царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси ко Господу отъиде, по нем же достохвалный сын его благочестивый сей царь и великий князь Федор Иванович всея Руси царствия скифетр приемлет, якоже и преже явлено бысть; нечестивии же Болгари гордостию бесовскою возношахуся, паки на благочестие встают и пришедше на пределы Росийского государства, якоже и преже, пленующе намнозе. Видев же сия преблагий человеколюбивый Бог наш и не остави

^I дше Т.

^{II} внимаем БТ.

^{III} де Н.

^{IV} словесии Н.

^V руси БТ.

^{VI} воевах Н; воевах БТ.

^{VII} речные поправлено из реченные в Н.

^{VIII} овии БТ.

^{IX} болгар Т.

^X судмами Т.

до конца погибнуть наследию христоименитого званья, вложи в сердце благочестивому царю¹ и великому князю Федору Ивановичу всея Руси, яко да православное христианство от нечестивых насилования исторгнет. Благочестивый же царь, истинный рачитель благочестия, слышав сие, божественною ревностью разжегся, повеле изрядному своему правителю Борису Федоровичу послати многое свое воинство на нечестивые Болгары^{II}. Достохвалный же правитель Борис Федорович¹² вскоре повеление благочестивого царя исполняет, собирает многое христолюбивое воинство и воеводы искусные им поставляет и в велицей силе, изооружив, на Болгары посылает. Воинство же благочестивого царя, пришедше в пределы Болгарския области и тамо намнозе пленующе, воеваше, и Божиим пособием нечестивыи побежени быша и мнози от них острием меча падоша. Они же, видевще христолюбивого воинства храброе ополчение и невозвратное^{III} устремление и свою гибель пред очима зряще, вскоре ко благочестивому царю рабское покорение принесли; царь же и великий князь Федор Иванович всея Руси повеле многие грады своя в пределах их поставити, и оттуду же царским его благостройным правительством вся страны Болгарския в велицем покорении и в рабском послушании под его царскою десницею и доселе пребывают. Не точию же сия нечестивые Болгары под свою царскую десницу покори и послушни во веки сотвори, но и Сибирскую страну¹³ всю и живущих в ней злочестивых сыроядцев себе рабы сотвори и всю землю их облада, и многие от них своя царские уроки и дани по вся лета приимая, и тамо нечистыя и^{IV} бесовския службы вся разорив и грады многия возгради и православными христианы вся насеи, божественные церкви созда и благочестие велие царским его правлением устрои, даже и донныне непременно пребывают.

К сим же и прочая царския добродетели да неумолчны будут: зело бо бе нищелюбив, вдовица и сироты милуай^V, паче же священнический и иноческий чин велми почитая и пространною милостынею повсегда удовляя. И толику ревность по благочестии показа: не токмо во всей державе богохранимаго его царствия, но и во всю вселенную непремолчная слава благочестия его, яко солнечныя луча, простирашеса, и толма милостив бе, яко не точию^{VI} в своей богохранимой державе пространную милостыню требующим подавая, но и в далныя страны зем-

^I царю дважды в Т.

^{II} болгары Т.

^{III} в Н из невозбранное поправлено невозвратное.

^{IV} и нет в БТ.

^V милуия Н.

^{VI} не прочию Н.

ля, яко нескудная река, повсегда изливашеса. Глаголю же, во Святую гору Афоня и во Александрею и в Ливию и в Великую Антиохию и во вся святая места, даже¹ и до самого Божия града Иерусалима, пространная милостыня по вся лета от него посылашеса. Изыде же слух о^{II} его благочестивом добродетелном исправлении и до самого царствующаго Костянтинаграда и вниде во уши святейшаго патриарха кир-Иеремея. Той же убо патриарх Иеремей¹⁴, слышав сицева благоверного царя Федора Ивановича всея Руси добродетелное исправление и великое благочестие, вскоре подшася преитти толики долгий и скорбный путь, прииде в великую Росию, жалая видети великия христианские соборныя церкви изрядное украшение и благовернаго царя Федора Ивановича великое благочестие. Якоже и древле Южеская^{III} царица Сивилла приходяще от восток во Иерусалим, хотя видети премудрость Соломанову^{IV}, такоже и сей светейший патриарх Иеремей, велиею ревностью о благочестии распалася, отложив многолетнюю старость^V и забыв великий труд, вскоре ко благочестивому царю и великому князю, Федору Ивановичу всея Руси приходит, яко некий добрый купец, несый с собою не злата богатства, ниже драгих камыков^{VI} честности, но самое неистощимое духовное сокровище благодати бесценного бисера Христа или яко некий пречестный дар, великого патриаршества сан. Престол же тогда великия Руския митрополия содержашеса пресвященным кир-Иевом митрополитом всея Руси. Царь же и великий князь Федор Иванович всея Руси с великою любовию и неизреченною радостию патриарха Иеремея приемлет и достойную честь святителству его воздает, от него же мир и благословение приемлет и своими царскими многими потребами его по вся дни удовляя. Посем же благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всея Руси совет свой царской с патриархом Иеремеем полагает, да поставит в Велицей Росии в его богохранимой державе патриарха по правилом святых Апостол и святых Отец. Патриарх же, слышав совет благочестиваго царя, зело удивися царскому великому благочестия желанию и нача помышляти в себе како устроить на престоле Руския митрополии патриарха, поминая предания святых Апостол и заповеди святых Отец, яко чetyрем токмо быти патриархом: в Велицей Антиохии и во Иерусалиме и в Костянтинеграде и во Александреи, пятому быти папе в Риме.

^I даиже Н.

^{II} от Т.

^{III} из юже сказая поправлено южеская БТ.

^{IV} соломанову Б.

^V страсть Н.

^{VI} камыкков во всех списках.

Известно бо веды^I, яко Римский папа многими леты благочестия отлучился и христианские истинные веры отпаде, ово же помышляя, яко ныне царствующий Костянтинград неверными обладаем и благочестивая вера ими ненавидима бывает, и многие брани на благочестие повсюду устроят, в Велицей же России видево толикое православие, многими леты цветуще, яко солнце на тверди небесней сияше, ноипаче же пречестнейши сего узре и самую Матери Божия Слова церковь, неизреченною лепотою украшену, и в ней многия священныя вещи и всякия святыни в различных и многообразных потребах устрояемы, иже в похвалу и славословие вседержителю Богу и пречистой Богородице и всем святым, и видево пречестные и златокованныя раки, в них же яко некое многоценное сокровище лежаше, многочисудесныя и целбоносныя мощи великих чудотворцов Русских митрополитов Петра и Алексея и^{II} Ионы, многими леты ничим невредимы, и благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси теплое рачительство и веру к Богу и великое прилежание и многое попечение, еже имеем о исправлении всего благочестиваго народа православного христианства, — зело удивися о сем и хвалу воздав всемогущему Богу и упование положи на Его превеликих щедрот милость и поставляет в Велице^{III} России патриарха на Русскую митрополию бывшаго тогда митрополита Ива в лето 7097-го^{IV}, нарицая его быти четвертому патриарху; вместо же папино Константинопольский патриарх отгуду начат нарицатися. Царь же о сем зело возрадовася и его превеликою честью потчте и многоценными великими дары одарив, не по мнозе времени с великою честью отпустив его во Царьград^{IV}. И егда убо патриарх^{IV} Иеремей достиже царского града, собирает все свое христоименитое стадо православнаго христианства и с велицем удивлением начат поведати, елико виде в Велицей России^V благочестивыя христианския церкви Греческаго закона пречудное украшение и царское изрядное благочестие и всех православных христиан божественных догмат исправление; к сему же и многоценныя дары показуя, иже прият от руки благочестиваго христианского царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; по сих же возвещает всем и патриаршеское иже в Велицей Росии поставление. Они же, слышавше таковое благочестие, в Велицей Росии просиявшее, нача со слезами благодарити всемилостиваго Бога, глаголя: «щедрый и милостивый Боже! вся строя на ползу всем верующим в Тебе, единого истинного Бога, яко

^I веды БТ.
^{II} и нет в Б.
^{III} велицей Б.
^{IV} патриарх Г.
^V роси Б.

утвердил еси толикое благочестие в последнем нашем роде в земли благочестивыя Руския державы, такоже, премилостивый Боже, сотвори с нами древнюю свою милость и не предаждь в поношение врагом достояния твоего! Ты бо еси Бог наш, мы же людие твои и овца пажити твоя, и сохрани, Владыко, церков и люди своя невреждены от всех навет вражиих, да не рекут супротивнии наши: где есть Бог их? Ты бо еси Бог наш, творяй чудеса, един». По сих же патриарх Иеремия восписует ко всем трием патриархом, во Александрию и во Антиохию^I и во Иерусалим, возвещая, еже како быв в Велицей Росии и тамо патриарха постави на престол Руския митрополии, да воспишут к нему согласная и соединительная писания за своими руками, еже быти в Велицей Росии патриаршескому престолу во веки и к тому не требовати поставления от Константинопольския церкви патриарха, но своими ему митрополиты в Велицей Росии и поставлятися. Они же, прочет писание, вскоре препослаша, яко достойно быти патриарху в Велицей Росии, в такове благочестии сияюще, и митрополиты и архиепископы и епискупы коегождо^{II} их пределов православных вси к писанием патриаршеским руки свои приложиша. Сие же согласное написание триех патриархов с прочими своими митрополиты и архиепискупы и епискупы святейший патриарх Иеремия вскоре посылает в Великую Росию к благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси, моля его и глаголя: «Приими, о великий самодержавец и крестоносный царю, истинныя православныя веры теплый рачителю и непреклонный крепки^{III} поборниче, сие от нас твоему благочестивому царствию духовное даропринижение, еже от нас ныне принесесе в славу святыя и живоначалныя Троицы и в честь пресвятей Владычицы нашея Богородицы и великих чудотворцов Руских и в достоинство похвал твоего самодержавного благочестия, да будет престол патриаршеский в твоей богохранимой державе во веки. Видев бо преблаг^{IV} Бог наш толикое твое достохвалное рачение и веру несуменну, юже имать царское твое благородие о исправлении всего православного благочестия, и подаст ти дар возжеленен по желанию твоему, устроив престол великого сана патриаршества нашим смирением. И да будет сие соединительное написание о Святем Дусе брату и сослужебнику нашего смирения, вашему же о Святем Дусе отцу и богомолцу Иеву патриарху на утверждение святителству его и по нем сущим патриархом всем во веки». Слышав же сия благоче-

^I антиохию Н.
^{II} коегождо Н; коегождо Б.
^{III} крепки БТ.
^{IV} преблагии БТ.